

18+

СВЕТЛАНА ДАРСО
ЧЕСОТКА ПОПУГАЕВ

Светлана Дарсо

**Чесотка попугаев. О любви и не
только. Очень женская проза**

«Издательские решения»

Дарсо С.

Чесотка попугаев. О любви и не только. Очень женская проза /
С. Дарсо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-601279-0

Все, что совершается в этом мире хорошего, делается из любви и во имя любви. Не знаю, покажется ли читателю хорошим мой прозаический опыт, но каждое маленькое эссе, с которым Вы сейчас познакомитесь, написано о любви и с любовью. С уважением, автор. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-601279-0

© Дарсо С.
© Издательские решения

Содержание

Чесотка попугаев. О любви и не только. Очень женская проза	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Чесотка попугаев О любви и не только. Очень женская проза

Светлана Дарсо

© Светлана Дарсо, 2023

ISBN 978-5-0060-1279-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чесотка попугаев. О любви и не только. Очень женская проза

...Истинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом я и, однако, в этом же исчезновении и забвении впервые обрести самого себя и обладать самим собою...

Гегель

Все, что совершается в этом мире хорошего, делается из любви и во имя любви. Не знаю, покажется ли читателю хорошим мой прозаический опыт, но каждое маленькое эссе, с которым Вы сейчас познакомитесь, написано о любви и с любовью.

С уважением, автор

Капризно оттопыренная нижняя губа, чуть вздыбленные от напряжения лица пушковые почти прозрачные усики над верхней, две вертикальные складки на упрямом лобике. Брови ассиметрично и забавно взлетели домиком, узкие, колючие глаза... стоп! Замри! Ещё не выплюнуто в меня протяжное «ты опять!!!» И это прекрасно!

Бледные губы в нитку, длинный и без того острый нос становится ещё острее, решение ненавидеть ещё не озвучено... Стоп! Замри!!!!...

Воздух сгущается, резиновая основа его становится все более удушающей, волнуешься пять секунд назад, трепещущие листья застыли в недоумении от непредсказуемости собственных перспектив, пыль, возмущенная ветром, замерла, взвешенная в пространстве, небо заворчалось, вздыбилось облаками, опухшими от тяжёлой до эклампсии беременности. Глухота, зыбь и вязкость разлилась по миру перед первым ударом грома! Стоп! Замри! Успей! Прочувствуй! Осознай накал безумной страсти перед боем небесным. Не перебивай ощущение вздрагиванием птицы на ветке и смрадным дыханием города. Скоро ливень очистит все и позволит дышать, даст начало новой жизни. Но это потом.

А пока... А пока у меня потекла шариковая ручка. Да, в общем, ничего необычного. Но с нее неудержимым потоком льются буквы, превращаясь на бумаге в благодарную улыбку собаки, огромные глаза удивленного ребенка, парашютик одуванчика и закат над морем.

Секрет в том, что владелец этого протекающего предмета вор. Да-да, я ворую эмоции. Подкрадываюсь, подсматриваю, подслушиваю, останавливаю момент... иногда не успеваю, но пытаюсь преследовать как гончая. Редко удается. Но когда получается, безумно радуюсь.

Вот, не далее, как вчера. Двое малышей подрались в песочнице, и я украл лицо девочки за секунду до слез. Или сегодня, своровал дрожащие ресницы соседки, которую встретил с цветами муж. А несколько дней назад я стащил эмоцию у бомжа! Брезгливость, видно, не про меня. Ему просто дали закурить. Он даже не просил. Но скользящую ещё не рожденную улыбку в складках его морщинистого бронзового лица я успел уволочь... но больше всех эмоций я краду у своей собаки. Это самое искреннее существо из встреченных мной за последнее время. Именно ее неподдельные реакции на жизнь легли в основу моего последнего чернильного ручья.

Обычно текущие ручки выбрасывают. Моя мне очень дорога. Она живёт своей независимой от меня жизнью. И я благодарен ей за это.

Я еду в лето со скоростью 216 км/ч. Сапсан разрезает остренький мордочкой пространство на две части. Березово-васильково-колокольчиковую и промышленно-монументальную. Он скользит настолько легко и грациозно, что кажется, будто облачные взбитые сливки вот-вот скатятся с небесно-тортовой поверхности ему на спинку. Периодически он пофыркивает и оскорбленно породисто взбрыкивает на рельсовых стыках как арабский скакун, которого хотят стреножить. Корабельно-сосновая стройная гордость сменяется спокойной белоствольностью среднерусского лиственного леса. Скорость не чувствуется. Чувствуется острый горьковатый запах кофе. И ещё один. Влажный прохладный запах. Его воссоздаёт мое сознание без усилий. Даже не нужно закрывать глаза. Запах ветра Балтики. Плотный. Осязаемый, если так можно сказать о запахе и ветре. Его можно удержать в ладонях. И он даже не пытается ускользнуть. И тут уже включаются другие органы чувств. Зрение и слух. Толстенький парень в жёлтой футболке, сидящий в наушниках передо мной, чуть улыбаясь, смотрит на меня. Хотя нам обоим абсолютно друг до друга нет никакого дела. Он смотрит и не видит. Слушает музыку. А я не смотрю, не вижу, не слышу и не воспринимаю. Ни его, ни атмосферу поезда.

Она кричит так, как будто у нее отнимают все самое дорогое. Тревожность внутри меня из точки мгновенно превращается в змею многоточия. Ничего у нее не случилось, конечно. А вдруг? Это «вдруг» заставляет поднять глаза. Нет. Просто меняется ветер. Она парит низко, практически не шевелясь, прямо над моей головой. Ее крик отражается от мокрого песка, глади залива. Множится эхом. Ветер оставляет влажные соленые автографы на лице, на плечах. Кожа, напиваясь влагой, становится шелковой. Залив подергивается нервной серой пеной. Поверхность воды вздрагивает при каждом порыве ветра. Вкусно все. Вкусно жить. Жизнь вливается в каждую клеточку. Водоросли намотались на лодыжку. Идти весело. Путь кажется бесконечным. Сколько бы ни шел, вода благодарно облизывает только щиколотку. Идти по воде. Просто идти. Думать о том, что ты идёшь и все. Нет у этого пути ни конца, ни начала. Есть только ощущение вечности.

«Мороженое, пожалуйста, Вологодский пломбир. Это ваш чемодан?» Перрон Ленинградского вокзала неумолим. Температура за бортом плюс 31 градус.

Вечность конечна...

Он притащил туфли. Синие лодочки. Почти без каблука. На второе свидание!! Нормальные приносят цветы, апельсины. А этот туфли! Станный до жути. Настораживает. Выдает человека с намерениями. Хотя, какие могут быть намерения. Метр шестьдесят семь еле-еле. Смотрю, опустив голову. Тебе не на что надеяться. Хотя, туфли ничего так себе. Даже с размером угадал. Ну, говори, чего хочешь? Послушаем. Или послать его уже? Но туфли больно хороши. Специально без каблука, гад, купил, чтобы снисходительности в моем взгляде было меньше.

Куда? На Невский? Эклеры? В «Север»? Ладно, люблю эклеры. Пошли, черт с тобой. Да, нет зонта. Да не прижимайся ты так! Не пойду никогда больше с тобой.

Откуда ты знаешь, что я люблю бананы? Их днём с огнём не сыщешь. По всему Ленинграду искал? Ладно, спускаюсь, пошли. На «Техноложке» пересядем.

Дисотека? Надеть те туфли?! Ни за что! Вот назло тебе надену на платформе и бабетту на голове наверх. Улыбайся, улыбайся! Да, мама любит гладиолусы, но это ничего не значит. Ты разбил мамину любимую чашку из сервиза «Мадонна». Что значит на счастье?! Видеть тебя не могу!

Пластинка? Лед Зиппелин? Аэросмит?! Откуда взял?! Обалдеть! Да, день рождения, да, завтра. Может, придёшь? Как не сможешь? Какая командировка?? Ну и черт с тобой!

Алле, ты где??? Уже пять двушек автомат съел. Тебя не было десять дней! Совесть есть?! Какая операция? Почему не сказал?!! Что значит, не хотел, чтобы я тебя таким видела! Ты что дурак?! Быстро говори, где ты!

Какой диван? Да он даже в дверной проем к нам не пролезет! Сметану не забудь купить. И, да, я согласна.

Последние солнечные дни бабьего лета вот-вот растворятся в призрачной дымке небытия. Бабье лето – понятие весьма хрупкое и относительное. Острое и краткосрочное счастье многокрасочности и праздника. Надо успеть ухватить. Ловлю. Неспешно бреду по аллее, наслаждаясь шуршанием листьев под ногами, нежаркой солнечной яркостью и прозрачностью безоблачного небосвода. В голове ни одной мысли. Хочу надышаться гармонией.

У меня на руках постоянно вошкающиеся два с половиной килограмма живого веса, пытающиеся выдрать свою мамочку из кайфа «здесь и сейчас» путем облизывания ее носа. Это мелкое, и в общем-то, незлобливое существо встало сегодня не с той лапы, облаяло соседа, испытало глубокое чувство вины и попросилось на ручки. Тащу. Мой мокрый нос протестует, зверек это чувствует, тоскливо вздыхает, умильно заглядывает в глаза, виляет огрызком хвоста, но на асфальт для самостоятельного передвижения спускаться не желает категорически. Хозяйкины не менее тоскливые вздохи на собачку не производят никакого впечатления, и я продолжаю нести свой крест.

Нас обгоняет маленькое чудо, лет пяти-шести, на самокате. Я вижу спинку в красной курточке, три вихра дыбом на макушке белесой, светящейся на солнце, головенки. Улыбаюсь. Мальчик-фейерверк. Движущийся огромный заряд позитивной энергии. Вдруг он резко развернулся, и, засветившись при виде собаки еще больше, чуть присвистывая из-за отсутствия верхних передних зубов, выдал: «Какая тюдная собачка! А какой она породы? Лабрадор или овчарка? Я собаками увлекаюсь, я всех знаю! А мама мне собачку не разрешает! Вот, на рутках у тебя овчарка сидит, лапками не бегаёт, не пьётся и не лает даже, а мама говорит, громкие они». Я, еле сдерживая смех, сообщила пацаненку, что это не «овчарка, а русский той-терьер. И он маленький. Совсем. Он и на ручках сидеть может, и ножками бегать, и погавкать горазд». Единственное, что я не успела сказать, что гладить собачку не нужно, детишек она не любит, ревнивая очень, да и цапнуть может. Опрометчиво не успела, конечно, потому что мальчишечка уже занес ладошку над псинкиной головой со словами: «Все равно ты самая милая овчарка из всех, что я видел!» В этот момент моя «милая нервная овчарка» дернулась, и еще доля секунды, ее чудесные зубки впились бы в детскую ладошку. К счастью, я рефлекторно успела ее придержать. После этого раздался грозный оскорбленный лай и детская реплика. «Ты плохая!! Ты притворялась! Я уважал тебя, а ТЫ, ТЫ!!! ТЫ СОБАКА!! Вот, кто ты!!!»

Дальше я не расслышала, парень прыгнул на самокат, и сквозь слезы что-то еще бормоча, укатил. Мой мелкий злобный тролль, одержимый жадой преследования обидчика, заливаясь лаем, спрыгнул с рук и максимально натянув поводок в тщетной попытке догнать, захрипел. Мальчик уехал, песик успокоился, я пошла медленнее, стараясь снова поймать осенний дзен.

Гулкое эхо шагов отражается от булыжной выщербленной временем мостовой, мазаных белой глиной домиков с черепичными крышами, ограждения набережной и даже, кажется, что от небесного купола. Кроме звука шагов и мерного дыхания прибоя не слышно ничего. Городишко ныряет в омут дремоты. На юге темнеет быстро. Темнота не опускается, а падает. В момент. Как по щелчку пальцев, чернота заботливо окутывает все кусты, цветы, дома, лодочки, стоящие на приколе, проникает во все трещинки стволов деревьев. Все живое зами-

рает. Впадает в анабиоз до утра. Темнота тягучая, на вкус сладкая, как патока. Хочется взять большую ложку и поднести к губам это варево из бархатного цвета, приторного вкуса и одуряющего коктейльного запаха влажной травы, моря и цветущего олеандра.

Я иду в то место на набережной, где нет фонарей и нет признаков человеческого присутствия. Нет ничего, кроме моря и неба. Нет и меня. Меня как меня – странной женщины с неуравновешенным характером, разъятой на молекулы борьбой за выживание, городской суетой и вечной необходимостью быть. Не важно кем, чем, для кого, чего... Быть. Так вот, там нет меня. Есть моя сущность. Пытаюсь с ней знакомиться. Пока сущность обезличенно плоская, но умеющая дышать через кожу. Вот и дышу. Получаю навыки растворения в моменте путем структурной перестройки сознания и атомов внутри себя в нечто более гармоничное, чем истероидный неудовлетворённый задерганный нарцисс, и концентрироваться на главном.

Главное, это то, что я – часть мироздания. Мироздание было есть и будет всегда. Независимо от... А я зависима. И все вокруг меня зависимы. Не хочу зависеть. Хочу любить. Всеобъемлюще. Благодаря и вопреки. Общее и частное. И люблю. Плохо получается, конечно, но я тренируюсь. Вот, люблю это место, например. Мне здесь не страшно. Место силы. У каждого свое. Мое это.

У меня есть шанс на двухнедельное бессмертие. Я в отпуске.

Жемчуг в две нитки душит. Не надо было надевать это ожерелье. Подобострастный холуй слоит «Шату Лафит» по стенке бокала. На лицах окружающих навсегда отпечатались респектабельная скука и каждый из них превратился в эстамп собственной значимости, который заслужен по-разному: связи, деньги, блядство, и лишь у единиц каторжный труд. Нас объединяет несколько вещей: презрение к тому, что не мы и архаичность в своих притязаниях, напыщенности, галстуках, запонках и клатчах, машинах, духах и жратве. Даже самые изысканные вкусы, запахи, остроты и любые другие проявления жизни не добавляют пикантности. Мы пробовали все и это все раздражает. Сколько нам лет? На всех – вечность. Единственное, что возбуждает – сплетни. Я – не ухоженная женщина средних лет. Я – муха в паутине собственных комплексов, обязанностей и амбиций. Стены ресторана добротные, толстые, звуконепроницаемые. Мирок, в который невозможно попасть тщательно забетонирован со всех сторон размеренностью, устоями и мощной кирпичной кладкой. Бункер, а не мирок...

Но я точно знаю, что за стеной ночной клуб. И мое сознание там. Я этого не хочу, это помимо меня. Останки моей молодости, подергиваясь, агонируют. Я зависла где-то в телепортационном канале... Кислотная музыка, врезающаяся в мозг, яркие вспышки света, многократно отражающиеся от зеркальных шаров, лишают напрочь зрения и слуха. Запах потных тел, жуткое месиво парфюмов всех мастей и кальяна, плывущие плотным облаком над залом, отбивают обоняние. Видимо навсегда. Зачем же мы раз за разом приходим сюда? Ааа, вот тут весь секрет! Остаётся только осязание. Тактильность – единственное ощущение, что на танцполе обостряется в десятки тысяч раз! Отключается контроль. Животные инстинкты берут верх. Оргия извивающихся существ набирает обороты с каждой минутой. Все хотят всех. Влажные и скользкие, худые и полные, с развевающимися волосами, открытыми в экстазе ртами, прикушенными губами, полураздетые, раскрашенные под боевую хохлому, но абсолютно счастливые в предоргазмическом моменте, структурные единицы толпы в едином порыве с отключенным сознанием, накаченные алкоголем, куревом и может быть чем-то еще, мы выписываем феерические кренделя, сражаясь за место острыми локтями и коленками... и будем возвращаться сюда снова и снова. Снять напряжение мышц, мозга, все бремя вселенной со своих плеч, одуреть, отупеть, остановить эту чёртову планету хотя бы на этот миг и в этом месте, где мы первобытны и свободны от каких-либо обязательств...

Да здравствует вакханалия ритмического обезглавленного безумия! Черт побери!
Хотя бы ещё пару раз!

Ещё вина, мадам?

Нет, вы посмотрите, какая наглость! Какое самомнение! Маленькая дурацкая тарелка с нарисованным тюльпаном на дне возомнила себя не кем-нибудь! А матадором!!! И решила, что имеет право втыкать в меня свои осколки как бандерильи!! Я даже в зеркало посмотрела, рогов у меня точно нет, кольца в носу тоже, но мычать страсть как хочется... Расцениваю это нападение как беспрецедентное хамство и нарушение целостности личных границ и барьеров! Разве нет??!

Парез небольшой, но глубокий. Почему – то эта боль приятна. С мазохистским удовольствием наблюдаю, как набухает ватка кровью. Нечто маленькое пружиненное и очень болючее, так долго до этого ноющее внутри, наконец, расправилось. Эдакий пружинный пульпит души. Жил, сволочь, где-то в области солнечного сплетения. Мерзенько так поджирал мои эфирные внутренности. Тихой сапой, знаете. А сейчас распрямился во весь рост. И нуждается в экстирпации. Вот, придумала новый вид хирургического вмешательства – «экстирпация гнилостного душевного пульпита». Самой смешно.

А вы в курсе, что после операций подобного рода жизненно необходимо орошение талой подсоленной водой? Теперь в курсе. Настоятельно рекомендую. Именно талой, так как эти слезы есть замороженные подавленные эмоции, копившиеся день ото дня – обиды, ревность, сожаления, непросщение, жалость к себе, страх, трусость и нелюбовь, любовь, неумение благодарить, неуважение... много их.

Талая, подогретая до температуры тела, вода с нужным электролитным содержанием и кислотностью как весенний дождь смывает все кровавые корки с моего внутреннего мира. Классно! Стало легче дышать. Оттолкнуться от фибринового сгустка на ладони и плыть в новую жизнь!

Может, и правда, у тарелки все в порядке с самомнением?

Пятнадцать лет в одном офисе. Ни убавить, ни прибавить. И все эти годы искрит. На этой почве ежедневные стычки. И вот, наконец, конгресс, отель, чужой город, синь и стынь за окном. «Иди ко мне». Требовательно так. Будто само собой разумеется. Ее взгляд в упор. Долгий. «Давай побережем друг друга». Он откинулся на спинку кресла. Глаза мелкие, лицо тяжёлое. «А знаешь, даже и не поэтому. Не будем портить впечатления». И вечер, и коньяк в тот день были великолепны.

Она потрясающая! Я готов смотреть на нее часами. Как, чуть высунув язык, аккуратно выводит сочинение в тетради или, задумавшись, над очередным алгоритмом на алгебре, легким движением убирает челку со лба. У нее глаза цвета спелого крыжовника. Веселые веснушки на скулах. Трогательно так. Губы красит перламутровым блеском. Чуть с рыжиной. Ей идет. Она выше меня. Не слишком, но видно. Меня это убивает. Я так хочу быстрее вырасти. Мама говорит, что мальчики позже вытягиваются, и мне не в кого быть маленьким. Отец под метр девяносто. Но ждать некогда. Мне шестнадцать, и все никак. А она не смотрит на меня. Я всеми силами пытаюсь завладеть ее вниманием. Курю, выучился на гитаре играть, хочу набить тату.

Меня родители точно скоро грохнут. Папа говорит, что я девиант великовозрастный. Будто сам никогда не был в моей шкуре. И вообще, я уже перерос всяческое обсуждение

своей жизни с предками. Хватит! Мое тело – мое дело! Тату набил. Тигра на одном плече и крест викингов на другом. Круто смотрится. Правда по закону, только с восемнадцати можно без согласия родаков. Но я нашел чувака, и он мне сделал. Ну погноилось чутка. Не портак, и ладно. Шнурки со мной три недели не разговаривали. Ну что ж, война, так война. Похер, вообще. Я ждал физры как дня рождения. Вышел без футболки бегать. Типа жарко. Препоп прифигел, конечно. И замечание влепил. Про директора гундел. Ну и... с ним. Пацанам понравилось. И ЕЙ понравилось! Я был счастлив. Ну, и под шумок, погулять пригласил. А она сразу вся холодная такая, типа, ты кто вообще, чтобы я и с тобой?! Фыркнула так надменно. Я на физре видел, как она лифчик поправляла. С пушапом, грудь, видимо, маленькая. Чуть с ума не сошел, спать потом не мог. И родинка под ключицей у нее. Мужики наши говорят, типа она еще ни разу. Ни с кем. У нас в классе все девчонки уже, а она, вроде как, нет еще. Вот бы... Хотя, чего уж там... Анриал, конечно. Жизнь говно вообще. С телками мутить не хочу, а с ней, капец как. Еще с черепами терки вечные. Мать визжала, когда по физике очередной неуд приволок, как резаная. Типа, будешь дворником. Вообще из дома валить надо. На работу устраиваться и у кореша какого-нить залечь.

Я разбил папину машину. Хотел к школе подъехать, ее прокатить. Украл ключи. Не рассчитал, перепутал педали и влетел в забор. Морда вся покорежена, причем у машины от удара, у меня – от страха. Походу, все мои проблемы из-за этой сучки! Ненавижу ее! Не зеленые глаза у нее, а болотные. И сиськи маленькие! Помада морковная! Ни вкуса, ни эмпатии! Жлобица! А я себе жизнь из-за нее поломал... Пришел домой и, зная тяжелую руку отца, ждал хорошего апперкота, возможно, и с последующим нокаутом. Он посмотрел на меня, молча оделся и ушел к машине. Гайцы, понятно, приехали. Он им пояснил, что сам был за рулем и не справился с управлением. А мне – ни слова упрека. Только спросил, в порядке ли я...

Вот, все дерьмо от баб, право слово! Мутки все эти гнилые нахрен не сдались! Она мне сегодня в ВК написала, типа, го в кинчик. Я не ответил даже. Какой кинчик! Физика у меня.

Я пока никто. Клетки мои интенсивно делятся. Жизнь зарождается бурно, я ощущаю, как увеличиваюсь в размерах и некие толчки в местах, которые не могу идентифицировать. Холодно. Очень холодно. Я скован. Мне тесно. В какой-то момент чувствую, что становится чуть теплее и странные толчки во мне происходят все интенсивнее. Чтобы поместиться в том пространстве, где я есть, приходится скрутиться, свернуться ещё сильнее, но уменьшиться не получается. Здесь по-прежнему очень темно и тесно. Мне трудно, я не могу расправить то, что не знаю как назвать. И вот однажды, ворочаясь во сне, я что-то повредил. То, что сковывало мои движения, прессовало внутренности, но, в то же время, защищало меня, с треском лопнуло. На секунду накрыла слепота и глухота. Очнувшись, я понял, что свободен. Я дышу, вижу, чувствую и слышу. Единственное, не могу ходить. Я срошен с чем-то длинным и деревянным. Теплый свет греет мои бока, я тянусь к тому, что сверху. Огромному, высокому и голубому. Меня шевелит нечто теплое и приятное, будто дует на меня.

Такие же как я, те, что рядом, сказали, что меня зовут лист. Я пьян от свежести, тепла, свободы. Есть острое желание двигаться, но что-то не позволяет. Сила и мощь во мне набирает обороты. Жажда жизни, данная мне веткой, заставляет тянуться вверх, расправить крылья вширь. Хочу летать. Поделился этим ощущением с подружкой из соседней почки, она почему-то погрустнела и сказала, что всему свое время. Я улечу, но это меня не обрадует. Не понял почему. Кстати, она прехорошенькая. Ярко зелёная, покрытая серебристым пушком. А по утрам на ней появляются капельки росы. Когда ветер треплет ветки нашего дерева, она озорно смеётся. Мы шелестим вместе от рассвета до заката. Я рассказываю ей свои сны. Черт, кажется я влюбился! Лист на другой ветке мне сказал, что у людей (это те, которые под нами ходят) так это называется. И они от этого счастливы. Я их понимаю. Я тоже счастлив.

Кстати, о людях. Очень забавно за ними наблюдать и считывать их эмоции. Иногда они в отличном настроении. Улыбаются, болтают, идут быстро. На них приятно смотреть. А иногда они бредут усталые, больные, сломанные какие-то. Тогда мы с другими листиками просим ветер помочь нам спеть для них успокаивающую шелестящую песню. Очень жалко, что, погрузившись в свои беды, люди, зачастую, нас не слышат... А тому, кто не слышит, помочь невозможно. Одинокие среди себе подобных, они утратили владение искусством нежности. Ценнейший навык для борьбы с сиротством. Но, не мне их учить. Я молод и зелен в прямом и переносном смысле.

За то время, что живу вне почки, я узнал тысячу новых вещей. И самая главная из них, это то, что жизнь прекрасна! В любом ее проявлении! Прекрасна от того, что бывает утро и вечер, что ты слышишь птиц, тоже, кстати, очень смешные существа. Галдят, копошатся. Суета для суеты, как мне кажется. Кроме людей внизу бегают кошки и собаки. Они безумно любопытны, но, как и людям, до нас им нет никакого дела. Правда, я наврал немного. За мою короткую жизнь я видел одну девочку, лет пяти. Она подняла личико на наше дерево, ее глаза стали огромными. Мне показалось, в них отразилось небо. Девочка прокричала: «листки, мама, вылезли листики!» «Весна», – сказала мама, не отрываясь от телефона. Такую неподдельную искренность, как у этого ребенка, осветившую его мордашку, я увидел впервые. Какие чистые существа дети, подумал я, и какие скучные люди взрослые. По моим наблюдениям, они все время ходят носом вниз. И глаза у них смотрят внутрь. Страшно им друг с другом, наверное. Хотя, дети тоже бывают разные. Недавно мимо нас шел очень противный мальчик. Он все время всем был не доволен, ругался с бабушкой, ныл, что-то требовал, пнул пробегающую мимо кошку. А потом совершил отвратительный поступок! Он сломал ветку нашего дерева и выбросил ее... Просто так! Мы все застыли в ужасе, наблюдая как из древесной раны текут слезы. Мы не шелестели весь день. Скорбели от осознания, что наши собраты с той ветки погибли. Не были знакомы со смертью до этого момента, мы всегда прославляли жизнь. А сейчас стало понятно, что ничего более уродливого и омерзительного на свете нет... И это ещё раз подчеркивает, что жизнь прекрасна! Прекрасна, какой бы ни была.

Знаете, мы познакомились с дождем. Необычное явление. Первый дождь в моей жизни мне очень понравился. Веселые капельки тарабанили по моему телу. Чудесный, освежающий массаж! Я очень вырос после него. Дождь дал попить дереву, и оно накормило нас вкуснейшим нектаром. А был на моей памяти один очень страшный дождь. Сначала почернело небо, мы решили, что наступила ночь, но это было не так. Ветер, обычно ласковый и нежный, стал порывистым, жестким, злым, колючим. Мы так привыкли, что ладони ветра такие трепетные, бережные, дарящие любовь, но в этот раз он бил наотмашь, без сожаления, жестоко и зло. Будто не любил никого и никогда. Когда мы спросили, почему он встал не с той ноги, ответа не последовало. Он только рычал, и сбивал с ног прохожих. «Бог устал нас любить» – подумал я и зажмурился. Начался ливень. Косой, сильный, беспощадный. Он хлестал по нашим телам крупными тяжёлыми каплями. Казалось, что над головой разверзлась водяная бездна. Громыхало, искрило, ворчало, вспыхивало, клокотало небесное нутро. Многие не выжили в ту ночь. Мы с моей маленькой подружкой пытались переплестись друг с другом, я хотел защитить ее. Но ветер и дождь не давали нам этого сделать. Я мысленно попрощался с ней, но в этот миг, реле, переключающее настроение мироздания, резко сменило положение. Ливень исчез, как не было. Будто кто-то стирательной резинкой удалил все кляксы на небе. Оно засияло яркой голубизной. И в этот миг Бог явил нам чудо! Из конца в конец небесного пространства был воздвигнут разноцветный потрясающей красоты мост. Мы, готовящиеся к смерти, увидели дивное творение Господа. И, поверьте, это было в моей жизни, наверное, самой сильной эмоцией после влюбленности...

Дни шли за днями. Я был счастлив. События и впечатления накапливались. Я пытался их сортировать. С каждым днём становилось солнечнее и жарче. Бывали дни, когда мы просы-

пались от безумной жажды. Тельце моей подружки утратило серебристый пушок, стало ярким и упругим. Я наслаждался, глядя на ее красоту. Я тоже вырос. Моя ножка теперь толстенькая и крепкая, и более выразительно прописались жилки на руке. Мы заметили, что ночи со временем стали длиннее и свежее. Раньше они проносились мгновенно. Любимая вздрагивала от озноба в темноте. Ей не хватало тепла и света. Небо все чаще становилось прохладным, распахнутым и наполнялось равнодушием. Солнце здоровалось с нами все реже. Экономило ресурс. Личико моей подружки покрылось странными суховатым корневыми пятнышками. А бока стали желто-золотистыми. Но она по-прежнему была фантастически красивой. Пятна не портили ее. Но ей было трудно свыкнуться со своим новым образом. Очень переживала, что возможно заболела. Девчонки странный народ! Я твердил ей, что она прекрасна, что я по-прежнему люблю ее, и что иметь веснушки очень мило. Но она морщила носик и не всегда верила.

Со мной тоже стали происходить непонятные вещи. Я понял, что утрачиваю хлорофилл. Изумрудная зелень моего тела сменилась блекло-болотным окрасом, а узорчатые краешки выжелтели. Я стал более жилистым, язвительным, требовательным. Меня перестали радовать привычные вещи. Я стал скуп на эмоции. Меня все раздражает. Что со мной? Иногда я боюсь сам себя. Картина мира тоже изменилась. Появилось буйство красок вокруг. Самый яркий цвет жёлтый. Есть бордо и коричневый. Только сосна, стоящая недалеко от нашего дерева, была по-прежнему зелёной и самодовольной. Пышность цвета не радовала, во мне зрело пресыщение и равнодушие. Я сражался как мог, но оно внутри меня захватывало все новые территории. Настроение стало созерцательным. Все больше хотелось дремать. Смех моей любимой все реже радовал мой слух. Ей тоже было тревожно. Но, все равно, каждый раз, засыпая и просыпаясь под вой, ставшего почему-то малодружелюбным, ветра, под холодным по-иезуитски плюющим дождем, я говорил ей, что всегда рядом и люблю ее.

Мы потеряли многих наших друзей. Они, видимо, были более ранимыми и меньше держались за эту новую жизнь. Ветер отрывал их от веток и уносил в неизвестность. Они не сопротивлялись. Им было все равно. Я, наконец, понял смысл слов моей подружки «Ты улетишь однажды, но тебя это не обрадует». Она все знала заранее.

Если бы нас с любимой не было двое, мы бы тоже сдались, наверное. Но у нас был смысл жить. Мы не были готовы расстаться и держались до последнего. Я молил только о том, чтобы ветер оторвал нас одновременно. И тогда я смогу показать ей дальние страны и места. Ведь, по сути, мы нигде и не были. И в этом случае это будет не смерть, а приключение. Захватывающее и может быть даже веселое. Мы будем нестись, гонимые ветром, и радоваться всему новому, что встретится нам на пути.

Ну вот, пришел и мой час. Сегодня как-то особенно знобко. Свинец неба, ледяное дыхание ветра, иней на нашем дереве. Живы только мы. Я и любовь всей мой жизни. «Я улечу сегодня», – прошамкал я ей. Оказывается, мужики слабее. Последние дни я разнюнился. Силы были на исходе. Она подбадривала как могла. Я очень хотел, чтобы равнодушие, заполонившее почти все мое нутро, проникло во все оставшиеся клетки. Тогда мне будет наплевать. Я стану невесомым, перестану цепляться за ветку, за мою сморщенную коричневую подружку и вознесусь. Будет обидно, если ветер не унесет меня подальше, и я останусь мертвым грузом под деревом, как многие мои собраты. Хотя, с другой стороны, мне рассказали, что если дереву будет тепло у корней зимой, то весной родятся новые листья. Значит, я буду полезен и мертвый. Не знаю, что лучше.

Как же хочется спать. Я устал. Жизнь была такой короткой. Один сезон. И такой длинной одновременно. Все, сейчас открою глаза, посмотрю на любимую последний раз и отпущу ветку. Дерево было совсем голым. Я остался один. Она улетела, не сказав мне ни слова!!! Как ты могла!! Где ты, отзовись!!! Я разжал пальцы. Ветер подхватил меня. Я лечу. Наверное, это

прекрасно. Остатком сохраненного сознания я пытаюсь уцепиться за воспоминания. Я скрючен, я свободен, ее смех, я влюблен, девочка, радуга!

Я упал недалеко от нашего дерева. Человек с метлой сгребал наши останки в большой пластиковый мешок. Знаю, что ты уже там. Я иду к тебе, любимая. Я хочу рассказать тебе свой сон.

Я рассказываю только правду. Но в его огромных карих пуговичных глазах отсвечивает элемент недоверия. Он выслушал много историй, наверное, просидев всю жизнь на этом подоконнике.

Понимаешь, я забрасываю на него ногу. У него потрясающее мускулистое тело. Очень жесткое. С него рисовал Леонардо Витрувианского человека. Но моей ноге почему-то удобно. И свернуться на его груди кошкой удобно. И подмышкой у него, уткнувшись носом куда-то между ребрами тоже удобно. И дышать им вкусно. И молчать комфортно. И ходить в ногу, и танцевать в такт, и петь в унисон. Любую мелодию. И вокально, и телесно. Синхронно получается. Борода? Борода сбреется. Или нет. Глаза умные, пальцы тонкие. Исчезло твое – мое. Есть наше. Одно. Общее сердце, душа, мироощущение. И тела смешались. Мое толстенькое, рыхлое и его фактурное. Что вышло в результате, сам черт не разберёт. Но ясно одно – что-то очень счастливое. Он шепчет мне на ухо, но очень отчётливо: понимаешь, ты навсегда поселилась в моем сердце. Я верю. Верю, и поэтому спрашиваю, а как отнесётся к этому твоя будущая жена? Жена? Он вскидывает брови. Темно, я этого не вижу, но знаю наизусть каждый жест, любую мимическую реакцию. Это ваши бабские разборки. Улыбается. Сами как-нибудь. Меня это не касается. Я тоже улыбаюсь. Ему также не видно. Но он считывает. Я не узнаю о том, что будет через время на другой стороне земли. Но я твердо уверена, что меня не выковыряют никому и никогда. Поэтому и разбираться не стану. Он это также прекрасно осознает и гладит меня по голове. Наша задача – успеть... При всей невозможности сделать это. Успеть за ближайшие шесть месяцев прожить вместе целую жизнь...

Плюшевые медведи, оказывается, прекрасные собеседники. Он ни разу меня не перебил.

Ненавижу мужиков в спортивных трико вне тренажерного зала. Но, такси -фэшн обязывает. Слава Богу, без перстней и наколок. Уже спасибо. Но, как ни странно, пацаненок прикольный. Мелкий, конечно, двадцать два, но с полувысшим техническим образованием. Ехать долго. Он уважителен, без ненорматива, за что благодарна, но хочет развлечь, что раздражает. Искренен в своем желании поднять мне настроение. Посему пришлось простить и штаны, и навязчивость.

Представляете, не могу девушкой обзавестись нормальной. Если кто и понравится, то пока ухаживаешь, даже по минимуму, это тысяч 15 нужно вложить, чтобы она хотя бы домой пригласила. А там неизвестно ещё обломится чего тебе или нет. Может только чай с тортиком. Не рентабельно. А у нее-то аппетиты растут и амбиции!!! Если пришел в дом, она имя уже будущим детям выбирает!! А у меня и в мыслях не было! Я лишь потрахаться хотел! Ничего личного! Ну, тыщ пять втюхать за это дело можно, но не больше! А она уже губищи раскатала. Вот, не выходит с ровесницами поэтому у меня. Другое дело девушки чуть за тридцать. Приходишь в клубешник, а там... Клондайк!!! Любая пойдет с тобой. За свой счёт накормит, напоит и с утра ещё такси тебе вызовет!! Красота! И бабло сэкономил, и удовлетворился, и поговорить есть о чем! В общем, жениться мне рано. А с тридцатилетними мутить удовольствие одно.

Кстати, что вы делаете сегодня вечером?

Шуба из собаки. Китайская. Не пропускает холод. Теплая. Можно лежать в сугробе на спине и изображать ангела. Думать, что ты самая красивая. Впрочем, так и есть. Он плюхается рядом и боится поцеловать. Ты чувствуешь его сердцебиение через шубу. От этого становится веселее. Запретное будоражит. Пятнадцать огромных диковинных длинностебельных бордовых голландских роз, ранее не виданных тобой, рассыпаны по снегу. Ты не можешь оценить его вложений. У тебя такого калькулятора нет. Он прилетает раз в неделю. В его краю не носят шапок. Он стремится к тебе отовсюду. И не замечает мороза рядом с тобой. Купите шапку, наконец. Вы на «вы». Или нет? Не всегда. Тебе приятно и заманчиво, странно и необычно. Сам факт щекочет самолюбие. Ты слишком юная. Перед тобой весь мир. Ты не умеешь отдавать пока. Только напиваться любовью. Небольшие вкрапления серебра в его волосах немного настораживают. «Что ты со мной делаешь? Я взрослый человек!» Ты смеёшься. Переливчато и задорно. «У нас с Вами огромная разница, мой хороший. И ничего не может быть, ни-ко-гда!» Кокетливо так. Глаза большие, искристые, ресницы пушистые, зубы белые. Ты все о себе знаешь. Ты всемогущественна в своем молодом эгоизме. Тебе нравится в это играть. Он целует твою ладонь. Огромное, пока не заслуженное, но такое острое счастье.

«Когда ты прекратишь выходить замуж за других?» Чистит креветки, не боясь испачкать пальцы. Ты как галчонок открываешь рот и ждешь, чтобы он тебе положил туда чищенную. «Какая разница! Я же сижу тут с тобой. Креветки лопаю. У нас ничего не может быть! Ни-ко-гда! Забыл?»

Флакон французского парфюма почти пустой. «Когда ты приедешь в следующий раз? Духи кончились». «Так тебе нужен я или духи, черт побери?» «И то, и другое. Прилетай!»

«Как назовешь ребенка? Там тебе привет от меня занесут».

«Почему прикрылся твой проект у нас? Я хочу тебя видеть!» «Ты такая деловая! У тебя будет на меня время?» «Ну это как будешь себя вести. Прилетай, я скучаю».

«Сколько можно работать, милая? Фото, что ты прислала с выпускного твоей дочери потрясающие, но ты выглядишь усталой». «Покажи мне как цветет черешня в твоём саду. И не болтай камерой! Не могу разглядеть!»

«Как ты?? Сколько стентов тебе поставили? Я смотрела твои выписки, сейчас все в порядке, слава Богу. Но сильно заставил ты меня понервничать, паразит!» «Все хорошо, не волнуйся! Через пару дней пойду в тренажерку. Знаешь, после операции я лежал и думал, если бы ты была рядом... Все было бы по-другому, наверное...» «У нас с Вами огромная разница, мой хороший. И ничего не может быть, ни-ко-гда!» «Мне нравится твой дразнящий смех, ехидна моя». «Я так тебя люблю. Не болей, пожалуйста!» «Почему ты не могла это сказатьнадцать лет назад?! Все проходит в этом мире, деточка, но мы вместе. И так будет всегда». «Ты прав, конечно вместе!»

«Мне не хватает твоих стихов. Почитай мне. Мог ли подумать я, простой деревенский парень, что встречу в своей жизни такое счастье?!» «Ну, не приbedняйся, пожалуйста, твои три высших образования меня заслужили! Когда ты приедешь, наконец!! Мне надоело изучать твои седины по видео!» «По нынешней обстановке не смогу пока. Надеюсь, что-то устаканится и станет лучше. Как только, так сразу прилечу».

«Скажи мне, как можно так выглядеть?! Годы идут, ты не меняешься!» «Я пью кровь девственниц». «Тебе на пользу. Какой я встретил тебя тридцать лет назад, такой ты и осталась. Представляешь, сколько детей бы мы нарожали!» «Нарожали бы, конечно. Но тогда я бы не стала собой, наверное. Хотя не понятно, кто кем на самом деле должен быть. Хотя, ты забыл? У нас ничего не может быть, ни-ко-гда?!» «У меня женился сын». «А у меня уехала в другой город дочь». «Может быть?...» «Ты издеваешься?» «Я позвоню в Новогоднюю ночь». «Конечно, куда ты денешься! Без тебя новый год – не новый год... Мы не виделись лет пять! Что за жизнь!!!»

«Я не могу с тобой это обсуждать!» «Тогда нам не о чем говорить! Как ты не понимаешь! Во мне это болит». «Я понимаю. И во мне очень болит... **НО Я НЕ МОГУ ОБ ЭТОМ РАССУЖДАТЬ, НИКАК НЕ МОГУ!!!**» «Пока. Ты такая же как все!» «Думай, что хочешь. Ни у тебя, ни у меня не выбора!»

«С некоторых пор я просто смотрю, бываешь ли ты каждый день в сети. Это значит, что ты есть. Долго мне казалось, что этого достаточно. Сегодня я проснулась с жутким ощущением, что тебя нет. И мне важно знать тебя вообще нет или нет у меня... Второе я тебе прощу, а первое никогда! Я не могу сказать тебе всего, что хотела бы. И знаю, что не можешь ты. Но ты должен знать, что я у тебя **ЕСТЬ**. И буду всегда. Может быть тебе от этого станет теплее».

«Какого черта ты не отвечаешь на мои сообщения! Я так боялась, что с тобой что-то не так!» «А чего бояться —то! Мы не боимся, чего бояться вам?»

«Прощай!» «Не прощу!» «Дурак!!»

Как же жжёт пятки, черт возьми! Чем отодрать пластиковую подошву, вварившуюся в асфальт? Где близко какой-нибудь фонтан? Не много вопросов, а? Ну нет фонтана на этой плавающей улице! Как ее, кстати? Дамиана де Гоиш! Можно забежать в магазин. Куда? Глаз зацепился за что-то блестящее. Зацепился и споткнулся. Один и второй. Оба глаза. Не оторвать.

Господи! Какая красота! Невиданное зрелище!! Диковинный лес с животным и птицами из золота и драгоценных камней за толстым пуленепробиваемым стеклом. Дыхание перехватывает! Пятки? Какие пятки? К черту пятки!!! Босиком с босоножками в руках, как замороженная, по эскалатору вверх. Золотая девочка на качелях! Изумрудная змея, рубиновые яблоки и ежик!!! Какой чудный ежик!!! Не надо на меня так странно смотреть, мужчина, пожалуйста! Не разрушайте гармонию! Сказка ювелирной лавки. Как вам название? Напишу об этом книгу когда-нибудь потом. Вы ювелир? Да? Вы говорите по-английски? Неважно! У вас случайно нет обувного клея? Наверняка у вас есть! Я же не могу уйти в обуви без подошвы! Да и вы меня в таком виде не отпустите! Дело даже и не в этом, конечно! Пока я тут все не рассмотрю, мы не расстанемся. И, нет, я не сумасшедшая...

У меня три жизни. Почти как у кошки. Хотя нет, разница все-таки есть ... У нее девять последовательных, у меня три параллельных.

В первой жизни я – благополучная жена, мать, дочь и отличный сотрудник. Уважаема и любима. Там же я – зрелый состоявшийся взрослый человек, принимающий ответственные решения. Эта жизнь главная. Доминирующая. Она незыблема, основательна и невероятно серьезна. Бросает вызовы – я сражаюсь. Борьба честная, не без потерь, но, тыфу-тыфу-тыфу, успешная. Скучноватенько. Но, как у всех. Не лучше и не хуже. Грех жаловаться. У этой жизни есть тематические планы, учет, контроль, грязная посуда, сдохшие на подоконнике орхидеи, серое небо, эпидемия гриппа и список покупок на обрывке бумажки, написанный не подготовленным карандашом...

Во второй жизни я гуру интеллектуальной романтики. Эдакий проводник в мир прекрасного, всезнающий глубоко философствующий тьютор, направляющий сбившиеся с пути души в лоно их собственной судьбы. А не оборзела ли я с такими посылами выступать? Я отвечу – ни капли. Кто возложил на меня эту миссию не очень понятно, но каждый из нас рождается зачем —то. Видимо, я – за этим. Сопрягать свой духовный рост с развитием более молодых и слабых душ. Тяжелая работа, надо сказать. Много слез, разочарований и пота. Но какое удовольствие! Какой свет! Мне нравится. В этой жизни есть: ах, Питер (с придыханием), ах, море (с замиранием сердца), ах, Моне (с закатыванием глаз), ах, индийские мантры (о, Боже, бесподобно!),

ах, театр (тут вариантов два – потрясающе! до мурашек! Или фу, какая безвкусица! примитив! сельский клуб!). Туда же – золотая осень (как романтично!), цветение весны (божественно!), у неба обязательно вкусный цвет, закат тает как клубничное мороженое, неизменны картины, шляпка, запах дорогих сигар и оркестр Глена Миллера. Да, и Джойс. Джойс всенепременно... В этой жизни все живенько, одухотворенно, затейливо и прекрасно пахнет.

В третьей жизни я самая молодая и пульсирую радостью. Живая. Я ношу, не стесняясь джинсы, шапку с помпоном и сумку-седло своей дочери (она не знает об э том). Хотя, о чем я? Мне двадцать три. В этом возрасте у меня еще детей не было. Я встречаюсь с офигенным парнем на два года старше и отзываюсь на странное имя из двух слогов. В этой жизни есть смех без причины, валяние в сугробе, танцы посреди улицы, наушники в ушах, дискотека восьмидесятых, бесконечные поцелуи до растрескавшихся опухших губ под каждым фонарем, дешевые кафе (кофе исключительно из одного стакана) и ночное такси (заднее сидение и обязательно за руку). Здесь все просто и очень честно. Тут все настоящее. Здесь я легко и непринужденно прорастаю сквозь асфальт.

Больше всего на свете ненавижу выбирать. И если мне откуда-то сверху прикажут определиться, сделать этого я точно не смогу. Умрет часть меня. Ни одну из этих жизней я никому не отдам...

Они стояли, в ужасе оцепенев, втроём над образовавшейся ямой, вцепившись друг в друга ледяными пальцами. Крупные капли пота стекали по небритым лицам. У каждого из них мгновенно перед глазами промелькнул список собственных грехов. Огромный или чуть меньше... На самом деле, длина списка зависит только от свойств памяти. Но, не будем об этом...

Языки пламени вырываются откуда-то из недр и обжигают края изломанного асфальта. «Спаси, Господи!! Свят! Свят! Свят! Его-то в ад за что??! Святой человек. Безотказный! Все для других, сам бессребреник, последнюю копейку отдавал, живота своего не жалел. То родителей, то жену, то детей опекал – голубил, милостыню раздавал! Котят подбирал бездомных, старушек через дорогу переводил. Сам-то всегда в одном и том же пиджачке заношенном, в кепочке засаленной! Трудился без конца, не покладая рук! Днём и ночью!!! И врагов у него не было никогда! Не спорил и не ссорился ни с кем. Друг прекрасный!!! Специалист великолепный!! Все только в превосходной степени!!! Его канонизировать нужно за святую жизнь, а его – в ад!! Где ты, благодать и справедливость Божия?!» – визгливо, как-то по-бабьи, по очереди причитали они.

«Несправедливо, да?» Сквозь паутину липкого страха до их сознания пытался достучаться странный человек в коричневом пальто. В смрадном дыму, исторгающемся из преисподней, его лица разглядеть было невозможно. «За что Витька в ад-то???!» – вышел из шокового состояния один из них и попытался вступить в диалог. «Я вам все объясню, господа».

Человек взмахнул рукой и в воздухе стали появляться, сменяющие друг друга, картины, демонстрирующие различные эпизоды жизни несправедливо наказанного праведника.

Тошнотворная каша с запахом горелого молока не лезет в рот. Едва подавляя рвотный рефлекс, остриженный под горшок мальчик, судорожно глотает. «Вот, молодец», – гладит по голове мать. «Мама старалась, готовила». «Ты не пойдешь играть в футбол, мне нужно чтобы ты стал математиком, как я. Или ты хочешь, чтобы я в тебе разочаровался??» Отец сурово хмурит брови. «Я хочу быть футболистом,» – скулит долговязый подросток, но, тяжело вздыхая, идёт высчитывать очередной факториал. «В моем доме не будет никаких собак!!! Что значит, подарили щенка?! Я твой отец, и я решаю, заслужил ты собаку или нет!!! Ты сейчас же вернёшь собаку дарителю! Что значит, привязался?! Развяжешься!» «Нет, она не пара тебе,

не смей расстраивать мать! Я тебе другую найду. Лучше! Что значит, что ты эту любишь? Сегодня эту, завтра другую! Подумаешь!»

Неудобный, тесный в груди костюм, паспорта, кольца, где-то внутри очень больно. Чужая женщина говорит: «Да, согласна». «Согласен», – повторяет он. В голове набатом – «так надо...»

«Подумаешь, в первую ночь не вышло. Получится в другие ночи... сколько их ещё впереди!» – сам себе о себе.

Любимый цвет – серый. Улыбка, не разжимая губ. Как быть хорошим для всех? Родителей, жены, тестя, начальника? Чем заслужить их доверие, если твердо знаешь, что не состоятелен и априори не оправдаешь их надежд. «Конечно, Семён Петрович, я переделаю Ваш проект, мне это ничего не стоит!» «Конечно, Алла Николаевна, я пойду в отпуск в феврале, ведь Вам нужно в июле. Я все понимаю!» «Конечно, дорогая! Я знаю, что тебе нужна шуба, а мои ботинки подождут!» «Конечно, моя маленькая! Я куплю тебе эту игрушку! Я могу сегодня не обедать!» «Конечно, милая, я устроюсь в такси, я знаю, как давно ты мечтала об этом колье!»

Человек в коричневом щёлкнул пальцами и картинки исчезли. «Вам до сих пор не понятно?» Мужчины молчали. В их глазах читалось недоумение. Несчастный Витька! Тем более, в рай надо!

Коричневый сделал рукой неопределенный жест, и из ниоткуда в воздухе возникло футбольное поле, по которому к своей возлюбленной, ожидающей его на стадионе, бежал совершенно счастливый футболист с лицом Виктора с кубком в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.